

К ВОПРОСУ О ПОЛИЛОГЕ КУЛЬТУР В «КРЫМСКИХ СОНЕТАХ» А. МИЦКЕВИЧА И ИХ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Т.А. Ященко

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Полилог культур в «Крымских сонетах» вполне органичен и составляет один из основных лирических сюжетов поэтического цикла. Сама личность А. Мицкевича, темы сонетов, история их создания, а также художественное преломление в русской и украинской культуре предопределяют глубину и разнообразие межкультурной коммуникации в восприятии «Крымских сонетов» [1].

Польский поэт, родившийся на территории современной Беларуси, связанный в молодые годы с Вильно и ощущающий себя литвином, сослан на юг Российской империи, в Одессу, и совершает оттуда в июле 1825 года путешествие по Крыму, хранящему следы восточной мусульманской культуры, где начинает писать цикл «Крымские сонеты», завершает его в Москве и издаёт в декабре 1826 года.

Новое творение А. Мицкевича было восторженно воспринято в русской литературной среде [2]. Первый перевод на русский язык в прозе, принадлежавший перу П.А. Вяземского, был напечатан в апреле 1827 года в «Московском телеграфе». Перевод был сопровождён статьёй, в которой П.А. Вяземский писал: «Мицкевич принадлежит к малому числу избранных, коим представлено счастливое право быть представителями литературной славы своих народов». Называя сонеты «поэтическими путевыми записками», П.А. Вяземский сравнивает их с «Чайльд Гарольдом» Байрона и замечает: «... и без сомнения, некоторые из польских сонетов могут быть поставлены наравне с лучшими строфами английского поэта...».

Вслед за переводом П.А. Вяземского стали появляться поэтические переводы А. Илличевского, В. Щастного. В 1829 году появились 2 отдельных издания «Крымских сонетов» в переводах И. Козлова [3] и В. Любич - Романовича. Оценивая перевод И. Козлова, В.Г. Белинский отмечал, что русский поэт «мог усваивать русской литературе драгоценнейшие перлы иностранных литератур». В. Любич – Романович, товарищ Гоголя по нежинскому лицей, начал работу над переводами по совету А.С. Пушкина. Среди многочисленных последующих переводчиков сонетов - М. Лермонтов, А. Фет, А. Майков, И. Бунин (XIX век), В. Луговской, П. Антокольский, В. Левик, О. Румер, А. Ревич, Л. Кондрашенко (XX век) [4,5].

Переводы «Крымских сонетов» польского поэта глубоко вошли в русское культурное сознание и заключают в себе межкультурную коммуникацию в нескольких направлениях: Восток и Запад, мусульманство, христианство и язычество, Мицкевич и Пушкин.

Сам автор «Крымских сонетов» создавал своё творение, основываясь не только на своём художественном восприятии, чувствах и мыслях. Общеизвестно, что А. Мицкевич, поэт-романтик, был увлечён восточными произведениями Байрона и Гёте ещё в период жизни в Вильно (1815-19 гг.) и Ковно (1819-23гг.). Работая над сонетами в Москве, он изучал труды ориенталиста Сенковского и «Историю персидской поэтической речи» Гаммера, на материалы которой он

неоднократно ссылается в «Объяснениях» к своему поэтическому циклу. Судя по «Объяснениям», также тщательно было изучено «Путешествие по Тавриде в 1820 году» И.М. Муравьёва-Апостола.

Очарованный «востоком в миниатюре», А. Мицкевич в 11 сонетах (из 18 всего цикла) даёт поэтические картины мусульманского Востока.

В этих сонетах Крым предстаёт как опоэтизированный восточный мир, для которого характерны:

- восхищение творениями Аллаха:

Аллах ли там среди пустыни

Застывших волн воздвиг твердыни...

(Вид гор из степей Козлова. Перевод М. Лермонтова);

- покорность воле Всевышнего:

Мелькнёт моя чалма – ударь коня без страха

И, шпоры дав, лети, - лишь призови Аллаха!

А не мелькнёт – вернись: тут людям нет пути!

(Гора Кикинеиз. Перевод В. Левика);

- покой:

Молитва отошла, джамид уже пустеет,

Утих изана звук в безмолвии ночном...

(Бахчисарай ночью. Перевод И. Козлова);

- чарующая красота природы, яркость красок:¹

Ночная песнь цветов – дыханье роз в садах –

Беззвучной музыкой плывёт, благоухая

(Алушта ночью. Перевод И. Бунина);

В цветах земля. Цветы взлетают и парят:

Алмазным пологом всё небо закрывая,

Порхают бабочки, как радуга живая

(Алушта днём. Перевод А. Ревича);

- осознание тленности всего мирского, бренности человеческого существования:

О слава! Власть! Любовь! О торжество побед!

Вам суждены века, а мне – одно мгновенье.

Но длятся дни мои, а вас – пропал и след.

(Бахчисарай. Перевод В. Левика).

Естественно, что ориентальные поэтические образы органически вплетаются в «Крымские сонеты». В переводах они в большинстве случаев сохраняются: *Włyszczą w haremie niebeos wieczne gwiazd kagańce* (Бахчисарай ночью) - *Светильниками звёзд небес гарем расшит.* (А. Ревич); *Зажёг лампы звёзд небес гарем лучистый* (О. Румер); *Гаремом звёзд его зажётся небосвод* (В. Левик). Пожалуй, ближе всего к подлиннику перевод И. Козлова, сохраняющий значение «вечности» красоты звёздных светил: *И вечною красой блещит гарем небесной, звездами освещён.* См. также: *Nocy wschodnia! Ty na kształt wschodniej odaliski ... Алушта ночью*) – *О ночь восточная! Ты с одалиской схожа...* (О. Румер); *Ты с Одалискою востока, о ночь восточная! Сходна...* (И. Козлов); ср. перевод И. Бунина с удивительной лаконичностью выражения сравнения: *Ночь! Одалиска – ночь...*

¹ Подробнее о своеобразии цветообозначений в «Крымских сонетах» см. [6]

Примечательно, что в «Объяснениях» к «Крымским сонетам» А. Мицкевич часто комментирует ориентальные образы. Покажем это на примере сонета «Алушта днём» в переводе А. Ревича:

С горы упал туман, как сброшенный халат.

Шумит, намаз творя, пиеница золотая.

Кладёт поклоны лес, порой с кудрей роняя,

Как с чётков дорогих, рубин или гранат.

«Объяснения» самого автора представляют любопытнейший образец лингвокультурологического комментария, помогающего осуществлять межкультурную коммуникацию. Обратимся к тексту: «Халат (хилат) – почётная одежда, которой султан жалуёт высших сановников государства (...). Намаз – мусульманская молитва, которую совершают сидя и кладя поклоны» [1, с.155]. Любопытно, что, объясняя сложную метафору, поэт обращается и к реалиям крымской флоры: ... *Как с чётков дорогих рубин или гранат* – «Мусульмане употребляют во время молитвы чётки, которые у знатных людей бывают из драгоценных камней. Гранатовые и шелковичные деревья, алеющие прелестными плодами, - обычное явление на всём южном берегу Крыма» [там же].

Проводником странствующего поэта – Пилигрима - по новому для него восточному миру является Мирза. Пилигрим и Мирза – сквозные образы поэтического цикла. Они объединены общностью пути, но в то же время представляют два мира, две культуры. Мирза – своеобразный «хозяин» восточного мира Крыма, Пилигрим – восхищённый и поражённый странник, что особенно сильно звучит в сонете «Вид гор из степей Козлова». Чатырдаг своим неземным величием поражает Пилигрима, Мирза в мифологических образах повествует о своём восхождении на эту гору: *«И там, где над моей чалмою Одна сверкала лишь звезда, - То Чатырдаг был ...»* (перевод М. Лермонтова).

Исключительно интересны диалоги Пилигрима и Мирзы в следующих друг за другом сонетах «Дорога над пропастью в Чуфут – Кале» и «Гора Кикинеиз», объединённых сходством сюжетов: преодоление опасной горной дороги. Мирза опытен, мудр, отважен, но он чтит «предел», за который смертному переступить нельзя:

Вот прыгнул. Не гляди! Во тьму потянет с кручи!

Как древний Аль-Каир, тут бездна глубока.

И рук не простирай – ведь не крыло рука.

И мысли трепетной не шли в тот мрак дремучий.

(Дорога над пропастью в Чуфут-Кале. Перевод В. Левика)

Пилигрим – это тип западного романтического героя, всегда готового бросить вызов Судьбе, заглянуть за пределы возможного:

А я глядел, Мирза! Но лишь гробам шепну,

Что различил мой взор сквозь трещину вселенной.

На языке живых – и слов подобных нет. (там же)

Душа Пилигрима родственна морской стихии. Пожалуй, единственный сонет, в котором лирический герой ощущает радостную полноту жизни, чувствует себя вполне счастливым – это «Плаванье» с картиной шторма: *«Я весел! Я могуч! Я волен! Я – как птица!»* (перевод В. Левика).

Но в ряде сонетов очарование красотой Крыма не заглушает душевных страданий поэта-изгнанника. Южная яркость природы звучит диссонансом душевному настрою, как, например, в сонете «Пилигрим», где на фоне упоительной роскоши южного лета ещё острее ощущается трагизм вынужденной

оторванности от своей далёкой родины и тоска по той, которую любил «на заре своих дней». Во второй строфе сонета нарядная яркость юга воспринимается как чуждая поэту, всем сердцем связанному с родной скромной северной природой:

*Litwo! Piały mi wdzięczniej twe szumiące lasy
Niż słowiki Bajdaru, Salhiry dziewice;
I weselszy deptałem twoje trzęsawice
Niż rubinowe morwy, złote ananasy*

Ностальгическое настроение поэта с наибольшей выразительностью и точностью передано в переводе И. Козлова:

*Напевом милым мне дубравы там шумят,
Байдары соловей, Салгирские девицы,
Огнистый ананас и яхонт шелковицы
Твоих зелёных тундр, Литва, не заменят.*

Показательно, что сонетом, открывающим цикл, являются «Аккерманские степи». Поэту в ночной степи, подобно пушкинскому «Пророку», дано слышать всё: летящих в незримой вышине журавлей, колыхание мотылька на траве, ужа, касающегося травы, но он не слышит самого желанного: голоса из Литвы. Не слышит потому, что никто не зовёт:

*W takiej ciszy! – tak ucho natężam ciekawie,
Ze słyszałbym głos z Litwy. – Jedźmy, nikt nie woła!*

Неслучайно в переводе И. Бунина вместо «głos» (голос) – «зов»:

Так ухо ждёт, что можно бы расслышать
И зов с Литвы... Но в путь! Никто не позовет.

Поэта мучает мысль о возможности смерти на чужбине – сонет «Гробница Потоцкой». В этом сонете – своеобразное «перекрещивание судеб» польской девушки, похищенной из родного дома для гарема крымского хана Керим - Гирея и вскоре умершей в неволе, и поэта, вначале заключённого в тюрьму, а затем высланного из Польши. Их объединяет страстное желание вернуться домой. Во второй строфе сонета находим поэтический образ: после смерти польки на небе появились звёзды – как следы, выжженные её огненным взором, всегда устремлённым к родному северу:

*Tam na północ ku Polsce świecą gwiazd gromady,
Dlaczegoż na tej drodze błyszczą się ich tyle?
Czy wzrok twój ognia pełen, nim zgasnął w mogile,
Tam wiecznie lecąc jasne powypalał ślady?*

Одно из основных настроений лирического героя «Крымских сонетов» - трагизм изгнания – было очень чутко воспринято А. Пушкиным, который в «Путешествии Онегина» писал: «Там пел Мицкевич вдохновенный И, посреди прибрежных скал, Свою Литву воспоминал...».

Итак, мы подошли к важнейшему диалогу поэтического цикла: Мицкевич и Пушкин. В авторских «Объяснениях» к сонету «Гробница Потоцкой» есть ссылка на Пушкина: «На основании народного предания о бахчисарайской могиле русский поэт Пушкин с присущим ему талантом написал поэму «Бахчисарайский фонтан»». Знаменательно, что Мицкевич в своём сонете следует именно за пушкинской версией легенды, полемизируя с И.М.Муравьёвым-Апостолом [1, с.153-154]. Это единственное упоминание имени русского поэта, но «пушкинское присутствие» в «Крымских сонетах» далеко не исчерпывается этим упоминанием.

Обратимся к эпиграфу – строкам Гёте: «*Wer den Dichter will verstehen Muss in Dichter's lande gehen*».- «Если хочешь знать поэта, ты в страну его последуй». Весьма убедительным представляется нам предположение Л.И. Кондрашенко, впоследствии получившее развитие в работе М. Бажана, что эпиграф обращён к Пушкину [7,с.20-21]. Крым для А.Мицкевича не только «страна волшебной красоты», но и край Пушкина, увиденный им пять лет назад и воспетый в лирике, поэмах и позже в «Евгении Онегине». Есть основания предполагать, что сонет «Аю-Даг», в котором душевный мир поэта уподобляется морской стихии, посвящён именно А. Пушкину [6, с.188].

И это не единственный случай «утаённого» обращения к Пушкину. Вернёмся ещё раз к «Гробнице Потоцкой», где в двух заключительных строках находим образ «wieszcz», который, когда-нибудь одинокой песней вспоминая умершую польку, увидит близкую могилу автора сонета и запоёт для него:

*I wieszcz, samotną piosenkę dumając o tobie,
Ujrzy bliską mogiłę i dla mnie zanuci*

Для понимания глубинного смысла этих строк необходимо уяснить семантику слова «wieszcz». В переводе В. Левика находим выражение «поэт грядущих дней»: «*И в песне о тебе строкою вдохновенной Поэт грядущих дней почтит мой прах смиренный*». В переводе А. Ревича «wieszcz» - просто «поэт»: «*И, может быть, поэт, придя к твоей могиле, Заметит рядом холм и вспомнит обо мне*».

Обращение к переводным словарям позволяет выявить два основных значения этого слова: 1) пророк; 2) великий поэт [8;9]. Наиболее полную дефиницию находим в толковом словаре польского языка:

«*wieszcz* – człowiek natchniony, przepowiadający przyszłość; genialny, natchniony poeta: Mickiewicz – w. Narodowy» [10, с. 895] - «человек вдохновенный, предсказывающий будущее; гениальный, вдохновенный поэт: Мицкевич – гениальный национальный поэт» (перевод автора статьи). Очевидно, именно это значение «поэт-пророк, гениальный поэт» заключено в слове «wieszcz», что даёт нам основание предполагать: в этих строках – ещё одно обращение к Пушкину. Гипотеза подкрепляется и тем фактом, что сонет во всех временных планах (историческое прошлое, момент речи, предполагаемое будущее) связан с Бахчисараем.

В заключение заметим, что рамки статьи позволили остановиться лишь на отдельных аспектах полилога культур. Более полную картину могли бы дать совместные исследования полонистов, русистов, украинистов и тюркологов.

Литература:

1. Адам Мицкевич. Кримські сонети (українською, російською, польською мовами). – Сімферополь: Таврія, 1997.
2. Живов М.А. Адам Мицкевич. Жизнь и творчество. – М., 1956
3. Козлов И.И. Крымские сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражания. // «Собрание стихотворений Ивана Козлова». – Санкт-Петербург, 1823.
4. Мицкевич А. Крымские сонеты / пер. с пол. О. Румера. – М., 1948.
5. Мицкевич А. Сонеты. – Л., 1976.
6. Ященко Т.А. Об одном из аспектов филологического анализа художественного текста (на материале “Крымских сонетов” А. Мицкевича. // Филологические студии. – 2001. - №2. – С. 187-190

7. Бажан М. «Крымские сонеты» Адама Мицкевича. / Адам Міцкевич Кримські сонети. – Сімферополь: Таврія, 1997. – С. 17-24.
8. Стыпула Р., Ковалёва Г. Польско-русский словарь. – Москва – Варшава, 1975.
9. Настольный польско - русский словарь / под ред. М.Ф. Розвадской. – Варшава, 1974.
10. Mały słownik języka polskiego pod. Red. St. Skorupki, H. Auderskiej, Z. Łempickiej. – Warszawa, 1974.